

Лили Марлен

(Рассказ из цикла «Дом на трехсторонней улице»)

Зоя Дякина

Сумасшедший появлялся на скамейке ранней весной и не исчезал со двора до глубокой осени. Ритке иногда казалось, что он и ночует там, на этих криво сбитых досках, или напротив, на поваленном дереве, хотя она и знала, что старик жил на третьем этаже, в одиннадцатой квартире. На вид ему можно было дать все восемьдесят, но взрослые точно помнили, что он намного моложе. Сумасшедший жил здесь с самой постройки дома; старожилы даже помнили, что когда-то у него была семья, сам он работал начальником одной из линий на ТЭЦ, излучал силу и энергию. Впрочем, об этом обычно не говорили. Сойдя с ума, он как будто вычеркнул себя не только из разговоров, но и из поля зрения взрослых. Те зачастую вовсе не замечали его, присаживаясь на скамейку рядом. Старик и не навязывался. Он просто негромко бормотал и пел – пел, наоборот, очень громко. Особенно когда неподалеку от него располагались играть дети.

С детьми у сумасшедшего были странные отношения. Ритка помнила его всю свою жизнь, и он насколько не менялся. Совершенно седые волосы до плеч, которые придавали бы старику сходство с каким-то открыточным артистом, если бы не шальные блуждающие глаза, в которых мерцали то азарт, то огонек испуга, то еще что-то, неведомое и непонятное ребенку в четыре года, в десять, да и подростку в четырнадцать лет. Та же самая была на нем телогрейка, серая, потертая, прожженная на рукаве уже тогда, десять лет назад. Ему не было жарко в ней даже в теплые июльские дни, а когда сентябрь приносил холодный ветер, старик кутался, застегивался доверху и прятал ладони в спущенные рукава. Он продолжал появляться во дворе в том же облике, в прежних видавших виды истертых ботинках. Таким его помнила не только Ритка – именно и только таким его знали все дети во дворе. Наверное, мальшине следовало бы его бояться: как-никак сумасшедший, – но страха не помнилось, только некоторое недоумение. От того, что неожиданно старик может утешить первого встречного ребенка сухарем, посыпанным сахаром, семечками или раздавленной в кармане халвой. От того, что девчонок он называл сестренками, а бабушек, которые гораздо больше в подобные родственники годились, казалось, и не замечал вовсе, а если и замечал, то обращался

к ней вы и был как-то глупо подобострастен. От того, что здоровался с мальчишками за руку и предлагал называть его Колькой. И, конечно, от той странной песни, которую пел.

Сосед с четвертого Славка спросил как-то раз:

– Колька, а ты чего это ешь поешь? Фашист, что ли?

– Не, я не фашист, – ответил сумасшедший, – вот те – да, они фашисты, – указал на стоящую во дворе здоровенную БМВ с тонированными стеклами. – А я нет. Я просто пою...

В тот день Ритка шла в редакцию молодежной газеты. Там назначено было занятие по литературной правке. Анна Алексеевна, молодая и задорная, умела увлекательно рассказывать, незлобно подстегивать и доходчиво объяснять. Она приехала сюда вместе с мужем из облцентра, где оба работали на телевидении: Алексеевна – журналистом, а Дмитрий Александрович – оператором. Начали сперва появляться свободные газеты, а затем независимые телеканалы, и оператору Дмитрию ударила в голову идея. Он захотел сам открыть газету, потом организовать телевидение и начать победоносное шествие к статусу медиамагната. А начало должно было быть положено на малой родине. На самом деле стало очень быстро понятно, что здесь, на месте, медиамагнатом не сдешься, но молодежная газета и собственный канал, который горожане очень любили, появились и популярности не теряли. Юным корреспондентам-школьникам платили настоящие гонорары, объясняли, как берут интервью, даже учили делать фото- и видеорепортажи.

На занятие Ритка опоздала. Сумасшедший во дворе попытался накормить ее сухарем, от него пришлось отвязываться, и автобус уехал. Следующего нужно было ждать пятнадцать минут. Впрочем, прибегав наконец в редакцию, Ритка обнаружила, что никого, кроме нее, там нет.

– К экзаменам готовятся, – объяснила Анна Алексеевна. – Я и тебя уже не ждала. Домой пойдешь, раз одна, или захочешь поработать?

– А меня наш Колька задержал. Ну, сумасшедший со двора...

– Николай Тихонович? – переспросила редактор.

– Наверное. А вы что, его знаете?

– Я у него интервью брала в восемьдесят шестом. Он тогда не был сумасшедшим, совсем наоборот...

– Вот это да, – поразились Ритка. Удивило ее не то, что Николай Тихонович не всегда был сумасшедшим, – это она и

без того знала. Но Анна Алексеевна казалась совсем молодой, и то, что в восемьдесят шестом она уже брала интервью, да к тому же у жильца их дома... что-то, а эту информацию было трудно уложить в голове.

– У меня даже кассета где-то осталась. Тогда передача не пошла, сказали, что слишком смело. Это же был областной канал, самый первый, там все-то боялись. Выгонят, прикроют – да мало ли. А потом, когда сюда приехали, материалы на эту тему куда жестче были. Да и с Николаем Тихоновичем все уже произошло, неудобно как-то. Так что не знаю, понадобится кому моя кассета, да и когда понадобится... Может, если только придется напомнить, как было на самом деле. Не знаю.

– А покажите, – заинтересовалась Ритка.

– Действительно хочешь увидеть? – спросила Анна Алексеевна, а сама уже полезла на дальнюю полку, включила рабочий магнитофон, достала кассету...

Журналисткой было две: коротко стриженная Анна и вторая, скуластая блондинка. Снималось в основном в квартире, лишь иногда фигурировали пейзажи, родные и не очень знакомые – видимо, облцентровские.

Николай Тихонович родился в тридцать четвертом. Здесь, неподалеку, на Красноармейской. Его отец был редактором районной газетки «Знамя Ленина», до сих пор сохранившейся, не так давно переименованной, но много лет больше известной как «Наша брехня». В тридцать шестом родилась сестренка, а отца перевели в облцентр – редактором отдела культуры областных «Известий». Затем снова перевели – на сей раз в главную газету области, которую за глаза, сейчас по крайней мере, называют «Кривдой». Били три комнаты в доме по центральной улице. Мама наняла помощницу по хозяйству. А в конце тридцать седьмого отца освободили от должности. Началась самая крупная чистка в журналистской среде.

В этом месте в репортаже была врезана небольшая сводка от сотрудницы архива. Женщина бесстрастно перечисляла фамилии сменившихся редакторов, репрессированных журналистов, корректора и даже уборщицы. Эти фамилии с инициалами появлялись в левой половине экрана под стук пишущей машинки, поднимались вверх. Столбик уползал за пределы экрана, и это создавало ощущение первобытной жути.

Отца Николая Тихонови-

ча арестовали в канун Рождества. Долго досматривали квартиру, сбрасывая пролистанные книги на пол. Взяли газеты, рукописи статей и том Карла Маркса с пометками. Отец негромко сказал матери: «Не вздумай никому насчет меня писать. Детей двое, на кого ты их оставишь?». Она ходила с передачами к центру. Познакомилась там с матерью тоже арестованного корректора. Через месяц у них обеих отказались принять передачу.

От трешки оставили одну комнату. Все, что было возможно, мать с домработницей Глашей ночью перетаскала потихоньку в оставшуюся. А Глаша осталась с ними. Работала ночным сторожем, а днем присматривала за детьми.

В сорок первом, когда началась война, Коло отдали в школу в трех кварталах от дома. Нужно было перейти мост и трамвайные рельсы. Глаша водила туда своего вос-

питанника и соседа Володу, который тоже лишился отца – в конце тридцать восьмого. Через несколько месяцев, в конце ноября, мост пострадал при бомбардировке. Его огордили, и ходить стало нелегко. Жители домов у реки начали сооружать лодочки, Глаша водила мальчишек длинной дорогой, в обход до другого моста, оставшегося целым, и дорога занимала больше часа. Потом река замерзла, и они перебирались по льду. В конце декабря объявили эвакуацию. На назначенный день мама собрала вещи, тепло одела Коло и маленькую Танюшку. Они прождали весь день до заката. Машина от маминго завода, на которой их должны были увезти, в их двор не пришла. Про их существование забыли, оставив в городе и Коло, и соседа Володу, и даже маленькую Танюшку. А через неделю немцы вошли в город.

Окончание – в следующем номере.

Лили Марлен

(Рассказ из цикла «Дом на трехсторонней улице». Окончание)

Зоя Дякина

Они были такими же, как обычные люди. Две руки, две ноги, голова. Ну, форма была чужой и говорили они по-немецки. Вешали на дома странные листовки, в которых Коля с Володей ничего не понимали, хотя давно, еще до школы, выучились читать с помощью Глаши. Но вот школу, например, немцы не закрыли, оставили, и даже русский учитель не запретили, хотя соседи поговаривали, что непременно запретят. Еще стали меньше бомбить. Но было очень голодно. Коле с Володей постоянно хотелось есть. А еды оставалось все меньше. Особенно к весне. Центральная улица была полностью замощена, но со двора открывался проход к реке. Там, на пригорке, появилась трава. Мальчишки вставали ни свет ни заря, чтобы успеть собрать хоть немного – свежей, только что выбравшейся из-под земли травы. До солидных размеров она не успевала вырасти. Траву рвали и выдергивали вместе с бородатыми корешками, обдирали листья с деревьев, резали свежие побеги с кустов и варили. Горячая похлебка с горчачей травой не насыщала, но по крайней мере приглушала бурление желудка.

А немцы продолжали приезжать. Теперь уже не так, как зимой, – кто пешком, кто как. Теперь они каким-то образом восстановили железную дорогу, и многие из них пользовались вокзалом.

– Они приезжали, выходили из вагонов – с чемоданами, в чистенькой форме, как следует выбритые... Поэтому казались сытыми и богатыми. Хотя на войне, конечно, сытым не бывает никто. А мы с Володей приходили на вокзал утром, топтали пешком через весь город, только бы Глаша не увидела. Приходили и предлагали поднести чемодан. Мы все тогда понемногу научились говорить на немецком, а моя мама к тому же сама знала его хорошо. С довоенных еще времен. Мы носили немцам чемоданы, и те давали нам за это что-нибудь поесть. И любого из них, даже самого большого жмота, можно было раскошелить. Мы с Володей становились на-против выхода из вагона, и я начинал петь:

Vor der Kaserne,
Vor dem grossen Tor
Stand eine Lanterne
Und steht sie noch davor.
So wollen da wir uns
wiedersehen
Bei der Lanterne wollen
wir stehen
Wie einst Lili Marlen,
wie einst Lili Marlen...

Мальчишки ходили на вокзал почти каждый день. Потом, когда стало понятно, что немцам недолго осталось гостить, перестали. Захватчики стали злее и «Лили Марлен» воспринимали уже как насмешку. Один раз пронесло, ребята удрали, но больше экспериментировать не хотелось.

Потом по улицам проехал советский танк – как знамя освобождения. На самом деле в последние дни и боев-то особь не было. Немцы собирали манатки и тихонько бежали из города. Всякому казалось, что он один такой умный, но с каждой пройденной улице колонна уходящих становилась больше и больше. Чуть позже драпанули все: видимо, приказ получили. Поэтому советские войска заняли практически опустевший город. А танк стал символом. Хотя на большинстве улиц ему было бы и не развернуться.

Советские войска тоже стали прибывать по железной дороге. Той самой, отремонтированной немцами. Те, отступая, то ли не успели, то ли не додумались взорвать. Дети, по такой же, как Коля, случайности оставшиеся в городе на время оккупации, ходили приветствовать своих к поездам. Однажды прибыла бригада врачей. Их уже не удивляли тощие, как скелеты, ребятнишки. Но здесь врачи останавливались на несколько недель. И отправляли всю голодную братию на откорм в санаторий. Коля и Танюшка тоже поехали. А Володя уже не мог.

В тот день Танюшка напросилась вместе с мальчишками на вокзал встречать наших. Стояло раннее утро, и кроме их троих на перроне никого не было. Поезд остановился, солдаты начали выскакивать из вагонов. Форма на них была грязная, а лица небритые. Выглядели они хуже немцев, зато были свои. Коля потом так и не смог вспомнить, как и почему это произошло. Кто из них первый ошибся? Кто перепутал слова? Чей голос пропел тогда немецкую фразу вместо русской? Потому было бегство. Он несся по улочкам, сворачивая в узкие пролеты, за руку таща за собой задыхающуюся Танюшку. Пришли в себя они уже в центре, когда за ними давным-давно больше никто не гнался. Вот только Володя не бежал с ними. Он так и остался лежать на вокзальной площади – десятилетний мальчишка, в которого выстрелил неизвестный советский солдат, услышавший куллет «Лили Марлен» на немецком.

Война закончилась, а учеба продолжалась. Коля добил семилетку, поступил в техникум, стал рабочим, отслужил в армии. Познакомился

с девушкой из пединститута. Ее распределили в тот город, где когда-то жил и возглавлял «Знаменку» отец, где родились Коля и Танюшка. Вот парень и подумал: судьба. И оба они, Коля и судьба, оказались правы. Николай поступил работать на ТЭЦ, дослужился до начальника линии и уважительного «Николай Тихонович». Жена была хорошим учителем. Предлагали в завучи – не пошла: бумажная работа, бухгалтерская, а ей нравилось каждый день проводить в классе, у доски, со своими учениками. И семейная жизнь у них удалась, вон сколько лет вместе, ни единого скандала. И дочь, пусть только одна, зато умница. На тот момент ей двенадцать пять было, и, что показательно, именно она за год до того собрала документы и добила реабилитацию дедушки.

Возникла пауза. Видно, Николай Тихонович не мог найти, что еще сказать. И тогда совсем молоденькая журналистка Анна спросила:

– Николай Тихонович, а что вы ярче всего помните из детства? До войны?

– Отец вел нас с Танюшкой гулять на площадь Ленина. Точнее, меня вел, а ее нес на плечах. Она покачивалась там наверху и держала отда за уши. Но я ей не завидовал. Потому что я-то держал его за руку. На нем была выцветшая шинель почти военного образца, и когда на площади отец схватил на руки нас обоих, я почувствовал ее запах, запах старого сукна, нафталина и табака. С тех пор я люблю, как пахнет табак, хотя сам никогда не курил. А вокруг скакали солнечные зайчики. Иногда они запрыгивали на наши лица, и мы с Танюшкой ловили их, как будто живых. И мы были счастливы.

– Как по-вашему, кто виноват в том, что это счастье оборвалось? – Анна спросила это настолько в лоб, что коллега-блондинка успела только вздрогнуть и поморщиться.

– Да, я об этом долго думал, что же случилось с отцом, почему за что. И понял, что во всем виноват Иосиф Виссарионович Сталин. Я это кому угодно скажу. Потому что в стране, которой правил он, виной могло стать уже то, что ты просто родился...

И тут вступила блондинка: – А вы когда-нибудь замечали, что власти нас гнобят, притесняют?

– Нет... Вот такого не замечал. Не притесняли, наоборот... – каким-то совсем другим тоном заговорил Николай Тихонович, и Ритка возненавидела блондинку.

Дальше пленка крутилась вхолостую.

«Нет, не замечал, не притес-

няли, наоборот...» Да чем хотя бы наоборот? Тем, что не отобрал его с сестренкой у матери и не расселили по разным детдомам? Или тем, что отправили на откорм в санаторий после того, как оставили в оккупированной зоне? Или тем, что директор завода извинился потом перед матерью, оправдываясь тем, что было некогда, что иначе не успели бы вывезти никого?.. Тем, что разрешили поступить в техникум? Чем еще? Голова у Ритки горела. Нет, она понимала, что Сталина ругать в восемьдесят шестом было уже можно, а вот на самую власть покушаться, на святое, на основы, на краеугольный камень жизни... ни-ни. Но все же... Все же... Десятилетний мальчишка, от которого остался лишь слабый след в чужой памяти – «Лили Марлен» на немецком...

Анна Алексеевна выключила магнитофон. – Вскоре после этого у Николая Тихоновича жена умерла от рака. А через три года он дочь похоронил. Ее машина сбита. У него на глазах. Немецкая, говорят. После этого все и началось, с «Лили Марлен»...

Когда Ритка возвращалась домой, он по-прежнему сидел на скамейке. Позвал ее.

– Сестренка, ты от меня далеко не отходи. Смотри-ка, эти сегодня какие откормленные. Может, и колбасы дадут, если не пожадничают. Да ты не бойся, за руку вот держись. Чемодан-то я сам дотащу. А ты мне просто подпой. У тебя голос громкий. Им понравится...

Ритка проглотила воздух, ставший твердым и колким. Опустилась на скамейку рядом со стариком. Тот ожидающе посмотрел на нее. И они запели вдвоем красивую и страшную теперь песню на немецком. Песню, которую все дети двора давно выучили наизусть со слуха.

Vor der Kaserne,
Vor dem grossen Tor
Stand eine Lanterne
Und steht sie noch davor.
So wollen da wir uns
wiedersehen
Bei der Lanterne wollen
wir stehen
Wie einst Lili Marlen,
wie einst Lili Marlen...